

«ГОРИЗОНТУ» – 35

«Судьба нынешней литературной молодежи в Караганде может случиться счастливее, чем у предшественников. Ведь многие из тех молодых литераторов, о которых писала шесть лет назад газета, разъехались. Контраст между напряженной жизнью города и затишьем литературным поражал многих. Первый сборник карагандинских авторов вышел почти 20 лет назад», – писала поэтесса Людмила Лунина о проблемах молодежной литературы в шахтерской столице Казахстана в статье «Беспризорная муза» в республиканской газете «Ленинская смена».

Именно после этой публикации по инициативе обкома комсомола и секретаря межобластного отделения Союза писателей Казахстана Жаика Кегеновича Бектурова 21 февраля 1981 года при юношеской библиотеке было создано Карагандинское областное молодежное литературное объединение «Горизонт». Руководили «Горизонтом» в разные годы – профессиональные литераторы Марина Борисова, Нина Шехтман, Елена Нумерова. Большую помощь в организации творческих встреч и поездок оказывали неутомимые комсомольские лидеры Салтанат Алшагирова, Байжол Карипбаев, социолог Игорь Макеев.

«Горизонт» не пошел по пути литературных студий, в которых «обучали на поэтов». Сложилась уникальная творческая школа поиска и содействия молодым талантам. Даже самый юный автор – школьник Сергей Луконин, пришел в «Горизонт», уже имея публикации своих рассказов в газете «Дружные ребята». Работу объединения начинали с литературной учебы и разбора произведений. Вскоре были установлены заочные связи с казахстанскими, московскими, ленинградскими литературными объединениями. Участие в программах радио и телевидения «Юность», «Ровесник», «Автограф молодых», совместные вечера с музыкантами, архитекторами, артистами в клубе творческой молодежи, недели «Творческая молодежь – воспитанникам детских домов», выступления перед студентами, школьниками, горняками, строителями, поездки на Магнитку, по Балхашу на художественно-пропагандистском судне «Комсомолец Прибалхашья» – в живом общении с людьми авторы получали объективную оценку своему творчеству.

Несмотря на публикации во всесоюзных и республиканских изданиях, «Горизонт» признали не сразу. Но после того, как в 1985 году лауреатом фестиваля творческой молодежи республики «Жигер» стала Вероника Рыбакова, а дипломантом – Елена Нумерова, на следующий «Жигер» в 1986 году был приглашен почти весь состав «Горизонта». Звания дипломанта были удостоены поэты Сергей Шулепов и Роман Гриншпун, прозаики Светлана Смелякова и Айдар Аманов. На совещании молодых писателей республики в Целинограде лучшими были признаны также карагандинцы.

В июне 1986 года в Караганде, да и, наверное, впервые в республике, был проведен большой «Поэтический марафон» с участием молодых поэтов Казахстана, начавшийся с поэтических выступлений на открытых площадках города и завершившийся в театре музыкальной комедии выступлением «Горизонта» совместно с рок-группой «Апокалипсис».

После окончания «Поэтического марафона» завершился и шестилетний марафон «Горизонта». Одолев творческий конкурс в Литературный институт имени Горького, считавшийся со времен его создания главной всесоюзной кузницей известных поэтов и писателей страны, уезжали в главную столицу с надеждой на большое творческое будущее Вероника Рыбакова, Игорь Шишканов, Андрей Огарков, Светлана Смелякова, Владимир Шемшученко, Андроник Назаретян. Такого количества поступивших в Литинститут не знало ни одно из других литературных объединений Казахстана. В конце 80 х годов, когда страна в спешном порядке расставалась с комсомолом и в Караганде создавались новые газеты, Салтанат Алшагирова, Владимир Вишняков, Елена Нумерова стали костяком газеты «Молодежь Караганды», а Марина Борисова, Светлана Смелякова, Вениамин Лагай – газеты «Кримфакт».

С конца прошлого века приобрели питерскую прописку Н. Скрыль, В. Шемшученко, С. Шулепов, московскую – А. Назаретян, М. Борисова, В. Рыбакова, крымчанкой стала И. Ларичкина; в Канаде – С. Смелякова, в Германии – Р. Гриншпун и Ю. Яндоло. Не стало Жаика Кегеновича Бектурова, Нины Бондаренко, Игоря Шишканова, Салтанат Алшагировой.

А нынче бывшие «горизонтовцы» печатают авторские сборники, издают собственные журналы, становятся членами творческих союзов. Возможно, где-то в партийных или издательских хранилищах до сих пор пылится подготовленный к выпуску еще в советское время, но так и не увидевший свет, коллективный сборник карагандинских поэтов «Экзамен». Зато сохранился архив «Горизонта», который будет интересен не только любителям поэзии.

Вениамин ЛАГАЙ,

*староста литературного объединения «Горизонт»,
лауреат премии Карагандинского комсомола в области литературы.*

ИЗ АРХИВА «ГОРИЗОНТА»

*Михаил Балакший*ВОСПОМИНАНИЕ
О СТРОЙОТЯДЕ

У Сибири глаза голубые,
а над ней голубая звезда.
Гомонятся ее молодые
в паутине тайги города.

Гомонятся характер и время,
твердость взгляда и твердость руки.
Молодое и гордое племя
зажигает свои маяки.

Голубые туманы излучин –
тайн заветных чарующий дым;
этот мир до конца не изучен,
этот мир до конца не любим.

Здесь ребята живут боевые,
край таежный прижав у обочин.
У Сибири глаза голубые,
очень добрые, верные очень.

Жина Бондаренко

* * *

Начало счастья и печали,
вступленье нежное мечты
негромкой музыкой звучали,
а дирижером ей был ты.

Началом света и прозренья
в конце летучей слепоты
ко мне пришло стихотворенье,
один в нем образ – только ты.

И каждый день рождались строки
и рисовала я, любя,
цветок любви, цветок тревоги,
а получалось, что тебя.

И благодарна за страданья
той каждодневной суеты,
живу, как в зале ожиданья,
на чемоданчике мечты.

Держу в руках букет надежды
и вдаль смотрю, как на перрон,
и вновь тебя я жду, как прежде,
как свой любимый давний сон.

Владимир Вишняков

* * *

Проснется вьюга и в глаза заглянет,
притихнет кротко и укроет плечи.
И убеждать ни в чем меня не станет,
а будет петь, что в мире быстротечны
веселье и печаль...
– А чувства?! Тоже?!
Растает снег, и все пройдет, быть может.
Любовь сильна, но и она не вечна...
Взбивая снег, ускорю шаг – отстанет.
Поймет, не полетит за мною следом,
а к дому твоему луну поманит
и, занавесив окна звездным пледом,
взовьется вверх,
и вдруг, вернувшись с неба,
среди тишины беспечный звон под-
нимет
и на прощанье выложит из снега
простое слово и родное имя.

Роман Триницур

* * *

Звезда упала, и под настроенье
желание успел я загадать:
быть может, повезет, ведь невезенье
меня устало по свету гонять.

Я загадал, чтоб стала ты моею,
чем черт не шутит?! Да поможет Бог!

Я подожду, молясь и коченея,
надеясь, что тыпустишь на порог.

Звезда упала так неосторожно
и в небе утонула, как в реке.
Звездой бредить очень долго можно,
но удержать нельзя ее в руке.

Александр Киколенко

* * *

И снова осень
на моем пороге
сбивает листья со своих калаш...
И снова в просинь
в лужах на дороге
спешит вклиниться
капельками дождь...
И также все в природе,
как тогда, в ту осень,
очарованную грустью,
внезапной болью,
захлестнувшей душу,
как боль в глазах
от солнца после сна...
В ту памятную осень ты вошла
в судьбу мою и сердце навсегда!

Вениамин Лагай

СМОЛЧАТЬ

Смолчать,
лишь на миг, лишь на слово
душе предоставить антракт,
от истины, злой и суровой,
уйти осторожно на шаг.

Слукавить в полвзгляда, в полжеста –
и будет незримой вина.
И эта пустячная жертва
окупится завтра сполна.

В безмолвной актерской осаде
все роли, порой, хороши...

Но что-то все жестче осадок
на дне помелевшей души.

И все осторожнее мысли,
и все изошренной слова,
и принципы, как компромиссы,
все чаще катает молва.

И грим удивительной масти
разносит стремительно век –
и вот полноправные маски
идут полноправно наверх.

...Не так же –
лишь тина густая
опутает устье реки –
болотной травой зарастают
чистойшей воды родники?

Ирина Лариккина

* * *

И все же ты ко мне несправедлив,
назвав меня заоблачною птицей,
ты думаешь, что я тебя забыв,
перечеркнула лучшие страницы,
вспорхнула радостно и – след про-
стыл?

А если так решил – не знаешь, значит,
как этой птице белый свет постыл,
как птица по ночам по клетке плачет.

Андроник Назаретян

ДОРОЖНОЕ ЗНАКОМСТВО

Николь,
я не неволю улыбаться плача...
Невольню...
Волею строга.
Острог и судьи – губы и рука.
О, сколки луж дождя былого!
Львинная свирепость ливня
лавиной слившего глаза
со струями, с полушками капелей.

Любовь в июле – лель.
 Вселенской хмели
 нам не хватало ночью в поездах...
 Вагоны мокрые, их глянцевого спины
 и листья лилий...
 Нам с тобой дарили
 смущенные улыбки менестрели...
 Николь!
 И окна залитые слепли...

Елена Жукова

* * *

Как маятник – направо и налево, –
 нас время гонит то в зиму, то в лето,
 И каждый раз весна не удержиима,
 и осень каждый раз проходит мимо.
 И бесконечен времени полет.
 Туда-сюда. И так из года в год.
 И маятник поменьше гонит нас
 то в дня прозрачный свет,
 то в темный ночи час.
 То прочь летят мороки сновидений,
 то хлопоты дневных дел и волнений.
 Изо дня в день, как он – туда-сюда.
 Но невозвратно, как с небес звезда,
 в ином полете мы, как лист осенний...
 Прекрасней нет полета ощущенья.

Андрей Огарков

* * *

Вы помните, в детстве играли:
 спасательный круг бросали
 и сами же плыли за ним,
 за кругом спасательным.

Кто кинул свой круг далеко,
 кто слишком поверил игре,
 доплыть тому нелегко,
 особенно по волне.

Крепчает ветер морской,
 скоро взойдет луна,
 а круг красно-белый мой

все дальше несет волна.

И машут вдогон друзья
 с круга или буйка,
 но повернуть нельзя,
 протянута зря рука.

Упорней гребни, пловец,
 путь у тебя один:
 догнать его, наконец,
 и снова швырнуть, что есть сил.

Играй до последних дней,
 по краю жизни скользя,
 быстрее плыви, быстрее,
 спасай самого себя.

Вероника Рыбакова

ГРУША И ЯБЛОКО

Синие шарики – груша и яблоко...
 ... Я их сама себе вдруг подарила,
 туго надула и перекусила
 белую нитку, и фортку открыла –
 пусть полетают, хотя бы по комнате,
 бедные!
 О пусть
 дозволят опомниться
 от чудодействия в семь копеек.
 ...Нет, не дозволят.
 Я не успею...
 О чудодействие! Из синих резинок,
 задохшихся в тальке,
 сделать два шарика –
 грушу и яблоко,
 чтобы летали!
 Выдохнуть все в эти души, связать –
 перекушена нитка!
 Под потолок запустить.
 Загрустить. Записать от избытка
 нежно-щенячьего счастья,
 щемящего, шаткого –
 «Синие шарики, груша и яблоко.
 Синие шарики...»

Николай Скрябин

* * *

Нет боли, страха, есть тоска,
есть жажда ночи над равниной.
Есть вечный поиск. Мне искать
свою звезду в ночи пустынной.

Дороги пыльная печаль.
Камней безмолвье придорожных...
Застыла тенью осторожной
луны тревожная печать.
Молю, зажги звезду мою,
будь, провидение, послушным.
Лишь эхо вторит мне натужно
и тонет в сумрачном краю.

Светлана Стелякова

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

Он увидел однажды,
как в спокойной тиши
Человек погрузался
в море грязи и лжи.

Он бежал, выдыхаясь,
с перекошенным ртом
и кричал, задыхаясь:
– Человек за бортом!

Ну, а люди спокойно,
кинув ласковый взгляд,
возразили пристойно:
– Кто ж ему виноват!

Он протягивал руки
и просил об одном:
– Сжальтесь, там погибает
Человек за бортом.

Только люди смеялись,
ну, а кто подобрей,
предлагали: – Товарищ!
Дернем лучше портвейн!

Он заламывал пальцы
и твердил о своем:
– Как же можно смеяться,
когда он за бортом!

Но совет ему дали:
– Брось ты, чудик, мудрить!
И в награду совали
портсигар закурить.

Больше он не просил их,
лишь беззвучно шептал,
но никто не расслышал,
что он людям сказал.

Ирина Фрокина

* * *

Голубые осколки лета,
предзакатный багрянец дня
и печаль золотого света –
это будет и без меня.

Дерева в шелестящих шалях,
в известковых шубах дома,
деревенские пыльные дали –
это будет и без меня.

Мой любимый смеется лукаво,
сумасшедше кружится земля...
Понимаю, но – Боже правый! –
это будет и без меня.

Владимир Метлицин

МЫСЛЬ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В СЛОВА

1

Мысль превращается в слова,
когда ослепнешь от испуга
и кругом, кругом голова,
когда нет преданного друга,
когда не подадут руки,
когда никто не интересен,
когда не крикнуть: «Помоги!» –

когда тошнит от новых песен,
когда оборваны шесть струн
и мошкаррой роятся слухи,
когда давно уже не юн
и смотрят искоса старухи.

Мысль превращается в слова,
когда безумием объятый,
ты слышишь, как растет трава
из глаз единственного брата,
когда ночей твоих кошмар
впивается в неровность строчек,
когда о край тюремных нар
ты отобьешь остатки почек,
когда кружит водоворот,
когда не объяснить событий,
когда копаешь, словно крот,
нору в осточертевшем быте.

Мысль превращается в слова,
когда лишь пыль в пустой котомке,
когда года летят в отвал,
когда одни головоломки,
когда на камни — без соломки,
когда в семье сплошной развал,
когда идешь по самой кромке —
мысль превращается в слова.

2

Слово было в начале.
Страшным будет конец.
Зачеркнет одичанье
милосердный свинец.

Я веселый и грубый
и в репях голова,
потому прямо в губы
Я целую слова.

Игорь Мишканов

* * *

Когда оставишь суету,
но что-то сердце растревожит,
подводит память ту черту,
что все прошедшее итожит.

Исчезнет мимолетный след,
как после бурного прибоя,
из глубины минувших лет
легко поднимется былое.

И, просветленное, оно
явит живое впечатление,
и пережитое давно,
вдруг примет новое значенье.

И скрытый смысл старых фраз
из повседневной вереницы
тебе откроется сейчас,
стирая прежние границы.
Вникая в жизненную суть,
без заблуждений и наитий
оценишь пройденный свой путь
с высот сегодняшних событий.

И, может быть, через года,
прошедшее окинув взглядом,
увидишь ты, что иногда
несбывшееся было рядом.

Сергей Щуплов

* * *

Подобно тонкостенному сосуду,
февраль предвосхищал блаженный звук.
Земля молчала снежная, как вдруг
пленилась звоном свадебной посуды.

Хмель избежал прикола ноготка,
а небеса веселью потакали:
два облака, как будто два бокала,
кренились плавно, чокались слегка.

К вносимому мятежною рукой
подлаживалась прежняя картина.
Событья обживали верхний слой,
и воздух становился событием.

Снег промокал, отчасти соблюсти
отчетливые контуры предметов.
Жизнь раскрывалась фокусом буклета
в стремлении свободу обрести.

Произносились смелые слова.
 Произрастали скорые понятия.
 У женщины, переменившей платье,
 кудрявая кружилась голова.

Юрий Яндоло

СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА

Мы потихоньку съехали с ума.
 Мы все слегка продвинулись рассуд-
 ком –
 сосем в часы запаянные сутки
 и ждем кому тюрьма, кому сума.

В очередях от гвалта озверев,
 как после незаконного ареста,

зажаты мы в жестоком перекрестье
 глазками продырявленных дверей.

Но лишь заметим среди нас Христа –
 валун ему на шею и – в колодец!
 Ату его!.. Распят!.. Он сумасбродец!..
 Свинцом залить изменнику уста!..

Мы сумасшедшие – и нет на нас кре-
 ста.

И нет нам ни надежды, ни опоры.
 По нотам связки напрягаем хором,
 совсем друг друга слышать перестав.

Мы по утрам выходим из палат
 для тронувшихся по запретной теме,
 где под наркозом стереосистемы –
 по ком-то голосащий Роберт Планта.

